

И. Ю. Александров

Еще раз о науке в свободном обществе

Согласно П. Фейерабенду, не существует «объективных» причин для предпочтения науки и западного рационализма другим традициям.

Ключевые слова: наука в открытом обществе, культурный плюрализм

Ilya Y. Aleksandrov

Once more on science in a free society

According to Paul Feyerabend, no «objective» reason for preferring science and Western rationalism to other traditions exists.

Keywords: science in a free society, cultural pluralism

Недавно вышла в свет знаменитая работа П. Фейерабенда «Наука в свободном обществе», впервые опубликованная на русском языке без сокращений¹. Несколько скандальная репутация идей Фейерабенда не способствовала изданию его книг в нашей стране. С конца 60-х гг. идеи Фейерабенда обсуждаются на научных конференциях и в философской литературе, однако до сих пор на русском языке нет ни одной монографии, посвященной его творческому пути². Существует прекрасный обзор критики современной западной методологии науки Фейерабендом в ИНИОНовском реферативном сборнике³. Исследованию его методологических, социально-философских и культурологических идей посвящены разделы учебников по философии науки, параграфы монографий о постпозитивистском этапе философии науки, а также ряд интересных статей⁴. Представляется, что выход в свет полной версии «Науки в свободном обществе» позитивно повлияет на изменение образа Фейерабенда – методолога науки и философа в отечественной философской литературе. К великому сожалению, и по сей день статьи философов старшего поколения, воспитанных и обученных на мировоззренческой смеси из достижений современного естествознания и марксистско-ленинской философии, зачастую содержат такие эпитеты в адрес Фейерабенда, как «неудачник от науки», «ловкач», «психическая аномалия» и т. п.⁵ Вопросы, поставленные постпозитивистами перед философией науки, по-прежнему остаются без ответов. Отечественные философы под влиянием идей постпозитивистов соглашались с тем, что ситуации конкуренции между теоретическими концепциями неустранимы из науки⁶. Характерным благим и нереализованным пожеланием стало утверждение, что и «перед методологией науки стоит

проблема выяснения в полном объеме механизма формирования альтернатив, возникновения конкуренции. Возникает вопрос, при каких условиях и почему следует отдавать предпочтение тем или иным понятиям, принципам и законам при формировании именно оснований теории»⁷. Философы науки охотно признают, что в направлении познания структуры научной теории сделаны лишь первые шаги, что недостаточно исследованной остается пока содержательная структура исходных теоретических предпосылок, ответственных за появление сверхэмпирического содержания⁸. Авторы некоторых работ признавали, что тезис Куна и Фейерабенда о несоизмеримости научных теорий, никогда не формулировался этими философами в наиболее сильной форме⁹. Однако в целом в отечественной философской литературе преобладал иррационалистический, упрощенно карикатурный образ концепции постпозитивистов. Н. Хэнсон, Т. Кун, П. Фейерабэнд (иногда в сторонники «антикумулятивизма», «антибесперывности» записывали и И. Лакатоса) изображались отказниками от идеи преемственности в науке. В концепциях постпозитивистов принято было отмечать некоторые достоинства (верно схваченную внешнюю форму появления альтернативных теорий, чаще всего unplanned appearance и т. д.). При этом зачастую исследователи закономерностей развития науки просто вскользь, не углубляясь, по ходу дела упоминали «заблуждения» постпозитивистов, концепции которых превратились в безответный объект для критики.

«Наука в свободном обществе» вышла в свет в 1978 г. и стала следующей после «Против методологического принуждения»¹⁰ крупной работой Фейерабенда. В отличие от ранних методологических работ Фейерабенда, в «Науке в откры-

том обществе» и в «Против методологического принуждения» больше социально-политических идей, но эти трактаты не могут быть названы политическими трактатами. По его словам, уже из посвящения работы «Против методологического принуждения» читателю должно быть видно, что книга задумана как письмо к Лакатосу и это сказалось на ее стиле. Фейерабенд намеревался написать памфлет, но не сухой научный трактат. Отмечу, что без учета специфического стиля работ Фейерабенда любой исследователь его методологических, культурологических и социально-политических идей неизбежно попадает впросак. В 60-х гг. переехавший к тому времени в Калифорнию австрийский философ считал своим делом изобрести новую стратегию образования¹¹. Он предложил новый способ обучения, опирающийся на богатый резервуар различных точек зрения и позволявший индивиду выбрать для себя наиболее подходящую традицию. Будучи философом науки, Фейерабенд глубоко изучал историю науки (историю астрономии, историю становления СТО и ОТО Эйнштейна, историю принятия научным сообществом различных теорий физики элементарных частиц) и пришел к неожиданному для господствовавшего в 20–50-х гг. XX в. неопозитивизма выводу об историчности любой из норм научной рациональности. По-видимому, до поры до времени Фейерабенд, остро переживавший и «вырождение языка» – незаметное превращение в простой инстинкт восхвалений благородства, патриотизма, истины, рациональности, честности, которые звучат в западных школах, церковных храмах, на встречах политиков, – искренне увлекался дадаизмом и даже считал нужным разрабатывать новую философию или новую религию, чтобы придать содержание бессистемному предприятию по рассмотрению всех достижений как временных, ограниченных и личных, а каждой истины – как создаваемой нашей приверженностью ей, а не каким-то «обоснованием»¹².

Позднее Фейерабенд усомнился в способности любых форм «абстрактного гуманизма» кому-то помочь. С самого начала возникновения западного рационализма, по его словам, интеллектуалы рассматривали себя в качестве учителей, мир – как школу, а «людей» – как послушных учеников, но безрассудно считать, что кто-то способен предложить решение людям, жизнь и проблемы которых ему неизвестны. Фейерабенд стал знаменит не только своей остроумной полемикой с Лакатосом, Куном и другими философами науки.

Широкую известность ему принесли не столько полемика по проблемам несоизмеримо-

сти научных теорий, сколько выступления в защиту традиционных культур, вненаучных форм знания, критика притязаний рационализма Запада. Фейерабенд сближал науку с идеологией, искусством, мифом, использовал применительно к науке понятие традиция, настаивал на том, что наука является одной из множества идеологий, требовал ее отделения от государства, подобно тому, как ныне отделена от государства церковь.

Господство науки в своей риторике, метко адресованной к западному читателю 70–90-х гг. XX в. (период отстаивания ценностей сильного гражданского общества, терпимости к инакомыслию, невмешательства государства в дела гражданского общества), Фейерабенд называл угрозой демократии. По его мнению, в течение длительного времени едва ли кто-то замечал догматический элемент в либерализме, связанный с тем, что либеральные интеллектуалы видят в рационализме не одну из многих возможных точек зрения, а фундамент общества. Следовательно, свобода, которую они защищают, гарантирована только при условиях, которые не обсуждаются. Она гарантирована только тем, кто уже принял часть рационалистической (т. е. научной) идеологии¹³. По словам Фейерабенда, даже «расовое» равенство не подразумевало равенства традиций, оно означало только равенство в доступе к одной конкретной традиции – традиции белого человека. Белые, которые поддерживали это требование, открывали для угнетенных обетованную землю, однако земля эта была создана по их собственным вкусам и наполнена их любимыми игрушками. Фейерабенд ставил вполне правомерные вопросы о защите иглоукальвания и других направлений народной медицины¹⁴, магии, т. е. искусства преобразования действительности при помощи концентрированной мысли и психической энергии человека¹⁵, астрологии¹⁶ и астрологической медицины. Несколько скандальную известность приобрел его тезис о том, что культура Запада способна включить традиционные культуры только в качестве вторичных прививок к базисной структуре, образованной дьявольским (или нечестивым¹⁷) союзом науки, рационализма и капитализма¹⁸.

По мнению Фейерабенда, «свободным является такое общество, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти (что отличается от обычного определения, которое гласит, что индивиды обладают равными правами на достижение положения, заданного некоторой традицией – традицией науки Запада и рационализма)»¹⁹. Очевидно, что буквально понятый этот тезис утопичен,

даже абсурден. К примеру, разве можно дать в свободном обществе равные права фашистам? Установление равноправия всех традиций, вопреки благим намерениям Фейерабенда, могло бы привести к полному беззаконию и состоянию «войны всех против всех» (если воспользоваться метафорой Гоббса). Но Фейерабенд, сознательно провоцирующий читателя неожиданными для западного «рационализма» утверждениями, на деле придерживался не «сильных», но «слабых» утверждений. Базисная структура свободного общества, по его словам, является охранительной, а не идеологической, она больше похожа на открытый железнодорожный путь, чем на механизм идеологического принуждения. Речь таким образом идет не об отвержении науки и замене ее магией, астрологией, «танцами дождя» и т. п. Фейерабенд ничего подобного и не утверждал (хотя это ему не раз приписывали). Тезис о необходимости отделения от государства – это требование большей демократичности в науке, больших возможностей для конкуренции научно-исследовательских программ, больших возможностей контроля за деятельностью ученых со стороны гражданского общества. Следует отметить, что Фейерабенд, критикующий западный «рационализм» за авторитарные тенденции, сам является рационалистом. Вопреки образу Фейерабенда-антициниста реальный Фейерабенд признавал науку как величайшую ценность, стремился сделать научную рациональность гибче, вместительней, обогатить ее некоторыми вполне рациональными компонентами знания внеучного. Отсюда специфическая манера подачи материала – Фейерабенд мастер риторики. Для борьбы с «профессиональным кретинизмом» он выбрал оригинальный, новый для того времени метод. Фейерабенд – мастер провокационных высказываний. Но разве в истории философии не было примеров реальных мыслителей, своими провокационными высказываниями пробуждавших творческую мысль современников?

Фейерабенд – скорее софист, чем философ. Подобно античному софисту Горгию, указавшему на все противоречия в логике рассуждения элеатов и давшему тем самым толчок для последующих решений проблемы движения, Фейерабенд показал границы рациональности и уязвимость логики рассуждения критических рационалистов (Поппера, Лакатоса, Уоткинса, Агасси). Фейерабенд также показал уязвимость общих философских концепций, реконструирующих историю науки²⁰. Для современной теории познания характерна структура со встроенными между субъектом и объектом посредниками. В концепции Т. Куна таковым посредником вы-

ступает парадигма, или дисциплинарная матрица. У Фейерабенда в качестве посредника выступает понятие традиция, объективность, с его точки зрения, невозможна вне той или иной традиции. Это далеко не очевидное утверждение нуждается в доказательстве – Фейерабенд обосновывал его ссылками на конкретные эпизоды истории науки²¹, уравнивал научные и внеучные традиции и доказывал, что «рационалисты» не замечают принадлежности к своей традиции, служащей чем-то вроде очков. Отсюда следует, что рациональность не есть верховный судья над традициями, ибо она сама представляет собой традицию.

Утверждение об историчности научной рациональности охотно поддерживается социологами науки, сторонниками натуралистического подхода, связанного с отказом от такого понятия, как «истина», однако философы науки (У. Ньютон-Смит, Л. Лаудан, Дж. Браун и др.), соглашаясь с признанием относительной изменчивости норм научной рациональности, все-таки настаивают на неизменном для науки различных эпох ее ядре.

В работе «Против методологического принуждения» Фейерабенд показал, что всякая методология, даже наиболее очевидная, имеет свои пределы применения. В его адрес посыпались обвинения в релятивизме, критики концепции «методологического анархизма» или «наивного анархизма» сочли, что Фейерабенд пытается заменить известные методологические правила и стандарты какими-то более «революционными» правилами, такими как пролиферация и контриндукция²², почти каждый из критиков приписывал ему некую методологию с главным принципом «все дозволено».

Тезисы «методологического анархизма» выглядели столь вызывающе, что критики, полные гнева и серьезности, даже не заметили специальных оговорок со стороны их автора, который, выбирая между возможностью усовершенствовать методологию науки имеющимися рациональными средствами (что очень непросто!), предпочел вместо этого занять позицию насмешника. По словам Фейерабенда, «допустимо все»²³ не выражает какого-либо его убеждения, это шутовское обобщение затруднений рационалистов: если они стремятся к универсальным стандартам, не могут жить без принципов, которых можно придерживаться независимо от ситуации, образа мира, потребностей исследования, особенностей эпохи, то Фейерабенд готов дать рационалистам такой принцип. Он, будучи бессодержательным, бесполезным и почти смехотворным, все же будет «принципом». Этот принцип «допустимо все»...²⁴

У Фейерабенда «слабый» релятивистский тезис, но не «сильный» – речь идет не об отсутствии всякого знания и строгих методов его достижения, а только об уязвимости существующих методологических концепций. Для Фейерабенда любой эпизод в истории науки конкретен (конкретен и любой эпизод в развитии методологии науки), поэтому он и показывал, какие рациональные приемы применяли ученые в конкретных обстоятельствах и как изменялась научная рациональность в новых условиях.

Книги Фейерабенда не просто читать философу или ученому, лишенному чувства юмора. Действительно, работы Фейерабенда 70–80-х гг. – это сатирические памфлеты. Но почему бы и не принять такой специфический для философии науки способ подачи материала, если он наиболее доходчив для узких специалистов, не способных иначе посмотреть на свою «рациональность» со стороны! Разумеется, Имрэ Лакатос, выдающийся историк и философ науки, друг Фейерабенда, не был «анархистом в методологии». Но ведь Фейерабенд блестяще показал границы рациональности²⁵ методологии научно-исследовательских программ Лакатоса, вынужденного в некоторых ситуациях применять совсем не рациональные приемы для обоснования своих утверждений. Фейерабенд отстаивал научную рациональность, но не идеологически ограниченную рациональность философов и ученых, которые не способны допустить высокие достижения альтернативных культур и альтернативные возможности будущего развития Запада. Именно в этом смысле государство обязано защитить граждан от «шовинистических паразитов» – узко мыслящих ученых и особенно философов науки, вместо попыток улучшить науку держащихся за устаревшие представления и стандарты рациональности. Фейерабенд призывал принять его «методологический анархизм» как конкретное, соответствующее времени лекарство для методологии науки. Во введении к работе «Против методологического принуждения» Фейерабенд писал: «Данное сочинение написано в убеждении, что анархизм, быть может, и не самая привлекательная политическая философия, он, безусловно, является превосходным лекарством, как для эпистемологии, так и для философии науки»²⁶. В работе «Наука в свободном обществе» он подчеркивал, что не призывал эпистемологию и философию науки становиться анархическими (так упрощенно поняли Фейерабенда почти все западные и отечественные критики). Речь шла о том, что анархизм именно в наши дни может исцелить

эпистемологию, и после этого, по его словам, мы можем вернуться к более просвещенной и либеральной форме рациональности²⁷.

В «Науке в свободном обществе» приведено множество абсурдных заявлений философов науки и ученых, которым явно не хватает широты взглядов и вместимости альтернативных представлений. Широкою известность получила история с «Выступлением 186 ведущих ученых» (среди них 18 нобелевских лауреатов) в американском журнале «The Humanist» за сентябрь-октябрь 1975 г.²⁸ Апеллируя к читателю против «незаслуженно привилегированного положения науки в обществе и государстве», Фейерабенд обращал внимание на то обстоятельство, что ученые, подписавшие это заявление, имели только сильные убеждения о ненаучности астрологии, но ни одного рационального аргумента. По сути дела ученые не имели ни малейшего представления об астрологических теориях. Когда представитель ВВС пригласил на интервью нескольких нобелевских лауреатов, те уклонились, сославшись на то, что не имеют возможности изучать астрологию и не посвящены в ее детали. Это невежество, однако, не помешало ученым публично проклинать астрологию. Фейерабенд, мастерски владевший искусством убеждать, и из этого, вобщем-то, характерного эпизода высокомерной и некомпетентной критики ученых в адрес астрологии выжал максимум. Сравнив это заявление 186 ученых с опубликованным в 1484 г. римско-католической церковью «Молотом ведьм», он отметил, что даже теология является плюралистичной: еретические идеи не замалчиваются и не осмеиваются, их излагают, анализируют и устраняют с помощью аргументов. «Молот ведьм» разделен на четыре части: явления, их причины, правовые аспекты, теологические аспекты колдовства. С точки зрения Фейерабенда, «Молот» превосходит почти любой современный учебник по физике, биологии, химии своей плюралистичностью: описание явлений здесь достаточно подробно для того, чтобы идентифицировать психические расстройства, которыми сопровождались некоторые случаи. Учение о причинах является плюралистическим, нет ни одного официального объяснения, имеется множество объяснений, включая и чисто материалистические. Конечно, в конце концов принимается лишь одно объяснение, но альтернативы рассматриваются, и можно оценить аргументы, устраняющие их. Авторы «Молота ведьм» знают свой предмет, они знают своих оппонентов, они корректно излагают позиции своих оппонентов, критикуют эти позиции, опираясь на все то знание, которое могло быть доступно в то время. Таким образом,

Фейерабенд подводит читателей к выводу, что ученые, подписавшие заявление против астрологии (зачем 186 подписей, особенно восемнадцати авторитетнейших лауреатов Нобелевской премии, если имеющиеся естественнонаучные теории опровергают астрологические теории?), куда догматичнее и нетерпимее идеологов средневековой католической церкви.

Чтобы убедить читателей в том, что представители современной науки зачастую невежественней теологов, Фейерабенд приводит аргументы, которые, по его мнению, свидетельствуют о неосведомленности известных ученых не только об астрологических знаниях, но и о современных научных гипотезах и теориях. Здесь и параллели между астрологическим принципом «звезды склоняют, но не предопределяют», и современным учением о наследственности, которое «целиком работает наклонениях» (а значит и от астрологии не следует требовать жесткого детерминизма и однозначных предсказаний!). Да и психоанализ, как и различные психологические тесты, по мнению Фейерабенда, ничем не эффективнее астрологических предсказаний.

В ответ профессору Боку, утверждавшему в своей статье, помещенной в «выступлении», что современные понятия астрономии и физики несомнимы с принципами астрологии, Фейерабенд ссылается на работы Дж. Нельсона, Л. Уатсона и др., в которых показана зависимость солнечной активности от расположения планет. Солнечная активность оказывает воздействие на короткие волны радиосигналов, следовательно, помехи радиосвязи можно предсказывать исходя из положений планет (таким образом, не только Солнце, но планеты оказывают влияние на жизнь людей, и это не только астрологическое, но и научное представление!). Фейерабенд отмечал, что научные исследования влияния планет на солнечную активность остаются пока скорее теньными и аномальными, чем парадигмальными. Вместе с тем имеются данные, свидетельствующие, что вариации электрического потенциала деревьев зависят не только от величины активности Солнца, но и от конкретной яркости планет, т. е., опять-таки, от их расположения. В исследованиях, продолжавшихся к 70-м гг. XX в. уже более тридцати лет, Пиккарди обнаружил в скорости стандартных химических реакций вариации, которые нельзя обнаружить ссылкой на лабораторные или метеорологические условия. Он и другие исследователи в этой области склоняются считать, что наблюдаемые явления связаны главным образом с изменениями структуры воды, используемой в экспериментах. Химическая связь равна около одной

десятой прочности средних химических связей, так что вода чувствительна к чрезвычайно слабым воздействиям и способна адаптироваться к самым разнообразным обстоятельствам в такой степени, которые вновь приводят нас к зависимости от расположения планет. Рассматривая роль, которую вода и органические коллоидные соединения играют в жизни, можно предположить, что через воду и водные системы внешние силы способны влиять на живые организмы²⁹.

Пиккарди долгое время проводил исследования причин определенных нерепродуктивных физико-химических процессов, происходящих в воде. Некоторые из этих причин были связаны со вспышками на Солнце, другие – с фазами Луны. По словам исследователя С. Тромпа, ссылки на подобные взрывные стимулы редко встречаются в работах ученых, а соответствующие проблемы часто забываются или отбрасываются, однако, несмотря на упорное сопротивление ортодоксальных ученых, среди более молодых ученых в последние годы проявляется к этому большой интерес. Возникли специальные исследовательские центры, такие как Биометеорологический исследовательский центр в Лейдене и Стэнфордский исследовательский центр в Калифорнии, которые изучают то, что когда-то называлось влиянием небес на Землю, и обнаруживают корреляции между органическими и неорганическими процессами и Луной, Солнцем, планетами. Степень чувствительности организмов была продемонстрирована в серии статей Ф. А. Брауна. Устрицы открывают и закрывают свои раковины во время прилива и отлива. Они продолжают это делать, когда их бросают в темный ящик. Они приспособливают свой ритм к новому положению, что означает, что они чувствуют очень слабые колебания в лабораторном резервуаре. Браун изучал также метаболизм клубней и обнаружил лунный период изменений, хотя картофелины содержались при постоянной температуре, постоянном давлении, влажности и освещенности: способность человека поддерживать постоянные условия оказывается меньшей, чем способность картофеля реагировать на фазы Луны, поэтому, по мнению Фейерабенда, утверждение Бока о том, что «стены, ограждающие наше помещение, защищают нас от многих известных видов излучения», представляет собой еще один пример твердой убежденности, основанной на незнании³⁰.

Таким образом, Фейерабенд показал, что 186 ученых, подписавших заявление против астрологии, не знают современные достижения

в их собственных областях (астрономии, биологии и смежных областях), а также неспособны осознать следствия даже тех результатов, которые им известны. К тому же этим ученым известны явно устаревшие антропологические представления. Фейерабенд критиковал упрощенное представление, согласно которому история является простым прогрессивным развитием от примитивных к менее примитивным воззрениям. Антропологические открытия удивительных знаний, которыми обладал древний человек, а также современные «отсталые народы», поколебали эту позитивистскую (в духе «закона трех стадий» Конта) схему.

Фейерабенд умело подлавливал своих оппонентов в споре на некомпетентности, знаниях понаслышке. Действительно, на основании чего в исторической науке закрепилось представление о том, что астрология возникла из магии? Во многом наука все еще находится в плену упрощенных схем, возникших в эпоху Просвещения.

Согласно Фейерабенду, мир не дан нам непосредственно, мы постигаем его посредством традиций, а в задачу философии входит прояснение космологических допущений теорий. Непроясненность космологических допущений способствует укреплению господствующей в настоящее время научной идеологии. Религии были «демиологизированы» так, чтобы быть приемлемыми в эпоху науки, мифы «интерпретированы» так, чтобы устранить их онтологические следствия. Фейерабенд показал реальную идеологическую борьбу различных традиций (рациональной в духе идей Просвещения науки и религии, в частности). Любая из конкурирующих традиций переписывает историю на свой лад и выправляет, встраивает в собственную идеологию знание традиций альтернативных.

Можно согласиться с Фейерабендом в том, что история человеческих знаний, написанная в позитивистском ключе, выглядит «карикатурно, однобоко и нетерпимо. У каждой традиции имеются свои способы привлечения сторонников. Фейерабенд настаивал на том, что «сегодня наука господствует не благодаря своим достоинствам, а благодаря своей жульнической рекламе»³¹. Следует отметить, что Фейерабенду, кроме примера с конкуренцией традиционной и научной медицины, особенно не на что сослаться. Альтернативные по отношению к «рациональной» научной западной культуры способны конкурировать с ней, прежде всего, в мировоззренческом плане, в возможностях духовного развития человека, а также в возможностях внетехнологического сотрудничества с природой.

Вместе с тем тезис Фейерабенда о воз-

можностях создания альтернативных научных теорий (физических, химических?) на основе альтернативных космологических допущений требует доказательства конкретными примерами из истории науки.

Рассуждения Фейерабенда о необходимости восстановления свободного соревнования между научной и традиционной медицинами выглядят более убедительными. Действительно, в медицине фактор пропаганды, рекламы соответствующей продукции очень существенен, и не обходится этот процесс без жульнического обмана населения. Фейерабенд, несомненно, преуспел, отстаивая необходимость большей терпимости ученых к вненаучному знанию, но не смог привести примеры устоявшихся научных теорий (речь не идет о гипотезах), которые были бы созданы на основе альтернативных западным рационалистическим философским концепциям представлениям.

Фейерабенд не раз увлекался и преувеличивал достижения «древних людей». Утверждение о том, что «наши предки и наши „примитивные“ современники обладали хорошо разработанными космологиями, медицинскими теориями, биологическими учениями, которые часто более адекватны, дают лучшие результаты по сравнению с западными соперниками и описывают явления, не охватываемые „объективными“ лабораторными методами»³², нуждается в убедительных доказательствах. Фейерабенд при этом ссылаясь на наиболее современные исследования в антропологии, археологии (особенно в быстро растущей археоастрономии), истории науки и парапсихологии. Необъяснимого (строительство пирамиды Хеопса, древнейшие обсерватории чуть ли не верхнего палеолита, способность древних народов на примитивных судах пересекать океаны и т. п.) в истории культуры, действительно, много.

Работы Фейерабенда способствовали определенной переоценке знаний донаучного периода, но, так или иначе, шкалой оценки любых знаний остается все та же рационалистическая западная наука, а значит, классическая эпистемология, выделявшая науку в особую сферу человеческой деятельности, в которой мы имеем дело с истинными знаниями об устройстве мира, не ушла в прошлое. Концепция конкурирующих традиций в лучшем случае дополняет классическое представление, отделявшее науку от любых вненаучных традиций. Вместе с тем концепция конкурирующих традиций, как и вся риторика Фейерабенда, способствуют диалогу культур, введению новых форм жизни.

Несколько слов о «Разговорах с недоучками» – третьей части «Науки в свободном обще-

стве», в которой помещены остроумные ответы критикам Фейерабенда. Нужно отметить, что Фейерабенд дистанцировался от своих же высказываний, признавал их адресность. Выделить позицию самого Фейерабенда чрезвычайно сложно, ведь в любой момент полемики он может упрекнуть своих критиков в «звериной серьезности» и т. п. Но нужно признать, что и критики, в свою очередь, не слишком внимательно читали труды Фейерабенда, а именно это ему и требовалось для доказательства догматичности современной науки и философии науки.

Книги Фейерабенда читаются на одном дыхании – во многом ему удалось оживить стиль современных исследований науки. Насмешничество удалось – Фейерабенд блестяще ответил Дж. Агасси, Э. Геллнеру и менее известным критикам, но после этого идеи самого Фейерабенда тоже невозможно воспринимать всерьез. Фейерабенд упрекал западную научную рациональность в том, что, считая, к примеру, колдовство, магию чем-то более примитивным, она не имеет об этих вненаучных формах знания ни малейшего представления. Действительно, схемы типа: из алхимии (с ее обманами и непомерными претензиями) выделилась со временем научная химия, а из астрологии – астрономия, – упрощенные, если не сказать, примитивные. Но, а сам Фейерабенд: а где он познакомился с колдовством? Чтобы доказать преимущества альтернативных видов знания, надо самому владеть этими знаниями. Однако Фейерабенд не сообщает читателям чего-то принципиально нового из области астрологических теорий или магических практик, лишь идеализируя альтернативные по отношению к западному рационализму знания.

Фейерабенд надеялся, что Соединенные Штаты весьма близки к той лаборатории культуры в смысле Милля³³, в которой разрабатываются разные формы жизни и проверяются различные формы человеческого существования. И нужно отметить демократичность западного общества, в котором столь радикальные идеи были восприняты как прививка, как «конкретное лекарство для рационализма» (Фейерабенд добился своего!). Формирующийся образ науки в концепциях философов-позитивистов и современных историков и социологов науки – это образ плюралистической, динамичной в воззрениях, готовой допустить самые неожиданные идеи (если есть надежда на их продуктивность) науки.

В настоящее время в значительной мере пересмотрены отношения между научными и вненаучными видами знания, признается гибкость границы между ними. Можно ли ут-

верждать, что и современная Россия представляет собой такую лабораторию культуры? Альтернативные научные конференции, на которые собираются ученые из разных стран, критично настроенные по отношению к академическим, прочно утвердившимся в научной и учебной литературе теориям, давно стали реальностью в нашей стране³⁴. Появились альтернативные академии наук и научные сообщества. Их роль очень неоднозначна. С другой стороны, Комиссия по борьбе со лженаукой во главе с академиком Э. П. Кругляковым³⁵ подвергает резкой критике любые альтернативные представления, при этом отвергаются они зачастую на уровне веры и тем самым религиозным тоном, который высмеивал в ученых Фейерабенд.

Чтобы отвергнуть те или иные представления как ошибочные, необходимо создать такую теорию, из которой бы следовала их ошибочность. Сверхзадача философии науки – сформулировать общее представление о научной теории (о ее принципиальном отличии от знания вненаучного). Философы науки, исследуя историю науки и обобщая эти знания, движутся в сторону решения этой сверхзадачи. На практике же критерий научности во многом интуитивен и доступен не философам науки, но лишь ученым-специалистам в конкретных областях естествознания. Критика в лженауке, паранорме и т. п. зачастую сводится к неверию и идеологическому неприятию.

Катастрофически плохое финансирование современной российской науки и системы образования сочетается с авторитарными методами управления ими. Характерно, что широко практикуемая теперь тестовая система проверки знаний школьников и студентов предполагает однозначные ответы, навязываемую от имени науки идеологию. Программы некоторых учебных дисциплин вместо того, чтобы предложить студентам панораму новейших научных гипотез, а также проблем, стоящих перед учеными и философами, в некоторых вопросах (если судить по государственным проверочным тестам) навязывает от лица науки мировоззренческие положения (отнюдь-таки не доказанные!), которые выдаются за «материализм».

Очевидно, что в мире не бывает чудес, что все процессы, в нем происходящие, материальны. Но ведь относимое на данном этапе развития науки к мистическому, быть может, уже завтра будет объяснено строго научно. Вспомним, к примеру, как обесценились синтетические положения философов-позитивистов середины XIX в. после научной революции на рубеже XIX–XX в. Вспомним, что нормы научной рациональности

в квантовой механике (стохастические, вероятностные законы, принцип дополнительности и принцип неопределенности) едва ли могли быть приняты механицистами-физиками XVII–XVIII вв., допуская только строгий детерминизм научного знания. По-видимому, полностью избавиться от идеологических моментов при составлении тестов (подчеркну, что речь идет о единичных случаях) невозможно. В целом же тестовые системы опросов характерны для авторитарного типа обучения. Более демократичны, плюралистичны системы проверки знаний студентов, допускающие конкурирующие за право считаться научными различные точки зрения в социогуманитарных науках и различные гипотезы в науках естественных. Именно этого и добивался П. Фейерабенд. Рано или поздно российская наука и система образования станут более терпимыми к инакомыслию, и издание трудов постпозитивистов, несомненно, способствует этим изменениям.

Примечания

¹ Фейерабенд П. Наука в открытом обществе / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. С сокращениями эта работа была опубликована в сб.: Фейерабенд П. Избранные работы по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 467–523. Для понимания методологических и общеполитических идей Фейерабенда важна статья: Фейерабенд П. Ответ на критику // Структура и развитие науки: из Бостонских докл. по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 419–470.

² Фактически монография И. Т. Касавина «Теория познания в плену анархии: критический анализ новейших тенденций в буржуазной философии науки» (М.: Политиздат, 1987) была посвящена Фейерабенду. Задача автора этой монографии осложнялась необходимостью цитировать решения XXVII съезда КПСС, выстраивать общую логику кризиса западной философии науки. В этой работе известного отечественного философа экстравагантный в своих идеях и поведении Фейерабенд оказался вписанным в образ оторванного от реальных социальных проблем философа буржуазного общества.

³ Сокулер З. А. Критика современной методологии науки П. К. Фейерабендом // Новые тенденции в зарубежной философии науки: сб. обзоров и реф. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 123–163.

⁴ Некоторые из этих работ: Никифоров А. Л. От формальной логики к истории науки: крит. анализ буржуаз. методологии науки. М.: Наука, 1983. С. 135–170; Его же. Фальсификационизм и эпистемологический анархизм // В поисках теории развития науки: очерки западноевроп. и америк. концепций XX в. М.: Наука, 1982. С. 210–239; Его же. Методологическая концепция П. Фейерабенда // Вопр. философии. 1976. № 8. С. 142–146; Мамчур Е. А. Проблема выбора теории. М.: Наука, 1975; Ее же. Проблемы социо-

культурной детерминации научного знания: к дискуссиям в соврем. постпозитив. философии науки. М.: Наука, 1987; Касавин И. Т. Традиции и плюрализм: к критике культурологи П. К. Фейерабенда // Вопр. философии. 1984. № 6. С. 143–151.

⁵ См., к примеру: Наука: возможности и границы. М.: Наука, 2003. С. 106, 252.

⁶ Мамчур Е. А. Проблема выбора теории. С. 103–104.

⁷ Разумовский О. С. От конкурирования к альтернативам: экстремал. принципы и проблема единства науч. знания. Новосибирск: Наука, 1983. С. 72.

⁸ Мамчур Е. А. Проблемы выбора теории. С. 33.

⁹ Ее же. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. С. 77. Отмечу, что и сам Фейерабенд признавал сравнимость теорий; речь шла только о несоизмеримости языков фундаментальных теорий. См.: Фейерабенд П. Наука в открытом обществе. С. 356.

¹⁰ Feyerabend P. Wider den Methodenzwang. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verl., 1976.

¹¹ Фейерабенд П. Наука в открытом обществе. С. 178.

¹² Там же. С. 179–180.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Ведь «медицинская наука в наши дни превратилась в бизнес, целью которого является не восстановление естественного состояния больного организма, а создание некоего искусственного состояния, в котором нет больше нежелательных элементов» (Там же. С. 248). Отмечу, что с аналогичных позиций критике механистическую «медицину отдельных позиций» подвергает академик В. П. Казначеев. См.: Проблемы «Сфинкса XXI в.»: выживание населения России / В. П. Казначеев, Я. В. Поляков, А. И. Акулов, И. Ф. Мингазов. Новосибирск: Наука, 2000.

¹⁵ Очевидно, что консервативная часть представителей академической науки занимает в отношении психических возможностей человека и связанных с ними паранормальных феноменов (которым еще предстоит перейти из категории мистических в категорию научных) позицию страуса, прячущего голову в песок при виде опасности.

¹⁶ К сожалению, в нынешнем издании «Науки в свободном обществе» все-таки отсутствует гороскоп Фейерабенда, помещенный на титульном листе издания оригинала. См.: Feyerabend P. Erkenntnis für freie Menschen. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verl., 1980.

¹⁷ Фейерабенд П. Наука в открытом обществе. С. 211.

¹⁸ Там же. С. 119. Фейерабенд также обвиняет большинство ведущих философов, ученых и философов науки в «невном интеллектуальном фашизме» (Там же. С. 296).

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Объем этой статьи не позволяет анализировать такие методологические утверждения Фейерабенда, как тезис об историчности любой из норм научной рациональности. Здесь будут рассмотрены, в первую очередь, его культурологические и социально-политические воззрения.

²¹ Для подавляющего числа философов, ученых и историков науки тезисы о равноправии традиций, отсутствии независимого от традиций судьбы в лице ра-

циональности, разумеется, не являются убедительными. Вместе с тем эпизоды истории науки, на которые ссылается Фейерабенд и его интерпретация этих эпизодов, вызвали плодотворную дискуссию.

²² О пролиферации и контриндукции, тезисе «допустимо все» см.: Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

²³ Англ. «anything goes» или нем. «Mach, was du willst!».

²⁴ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. С. 267.

²⁵ Отмечу, что метод указания границ возможностей познания и является подлинно научной критической позицией философии. Неслучайно Лакатос, в свою очередь, высказывал подозрение, что Фейерабенд в душе рационалист, который пришел бы в ужас, если бы кто-нибудь действительно стал бы анархистом (Там же. С. 261).

²⁶ В русском переводе «Против методологического принуждения» (с. 147) «лекарство» не упоминается. В сокращенном издании «Науки в открытом обществе» только на с. 498 сказано (единственное упоминание!), что принцип «все дозволено» не есть некий принцип «новой методологии». См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

²⁷ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. С. 188.

²⁸ Этот мастерский риторический ход Фейерабенда неоднократно упоминался в отечественной философской литературе как экстравагантная выходка, пример эпатажирующего поведения американского философа. Однако отечественные критики идей Фейерабенда так и не признали, что не знакомый с астрологией ученый не может компетентно рассуждать об этой области знаний. См., в частности: Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? М.: Политиздат, 1984. С. 154–160; Пружинин Б. И. Звезды

не лгут или астрология глазами методолога // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 117–150. «Заявление 186 ведущих ученых» и полемика о статусе астрологии были позднее опубликованы в сборнике: Philosophy of science and the occult / ed. by P. Grim. 2nd ed. New York: State Univ. of New York, 1990. P. 18–84.

²⁹ Библиографию научных работ, на которые ссылается Фейерабенд, см.: Feyerabend P. Erkenntnis für freie Menschen. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verl., 1980. S. 181–189; Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. С. 330–331.

³⁰ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. С. 138–140.

³¹ Там же. С. 152. Отмечу также, что у Фейерабенда можно встретить и неожиданно позитивные оценки философии Просвещения. См.: Там же. С. 365.

³² Там же. С. 154.

³³ Там же. С. 195.

³⁴ См., к примеру, материалы научных конгрессов, которые проводятся в Санкт-Петербурге раз в два года Международным клубом ученых (проф. А. П. Смирновым и его энтузиастами-единомышленниками) (Международный клуб ученых: интернет-представительство: сайт. СПб., 2001–2013. URL: <http://www.shaping.ru/mku> (дата обращения: 19.03.2013)).

³⁵ Недавно вышла в свет книга академика А. П. Круглякова «Ученые с большой дороги–3»... Так что критика «лженауки» в нашей стране – это особый жанр научной литературы, на который выделяются деньги из карманов налогоплательщиков. Фейерабенд с его остроумием, наверняка, предложил бы потратить эти деньги на критикуемые в книгах академика А. П. Круглякова теории и гипотезы.